

**ЗАТЕРЯННЫЙ
ДОЗОР**

Людмила и Александр **Белаш**

Владимир **Васильев**

Александр **Громов**

Олег **Дивов**

Дарья **Зарубина**

Дмитрий **Казаков**

Алекс **де Клемешье**

Святослав **Логинов**

Евгений **Лукин**

Сергей **Лукьяненко**

Василий **Мидянин**

Ольга **Онойко**

Антон **Первушин**

К.А. **Терина**

Карина **Шаинян**

ЗАТЕРЯННЫЙ ДОЗОР

Лучшая фантастика 2017

Составитель
Андрей Синицын

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-37

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Составитель — Андрей Сеницын

Оформление обложки — Александр Шпаков

3-37   **Затерянный** дозор: Лучшая фантастика 2017:
[фантастические повести, рассказы] / Составитель
Андрей Сеницын. — Москва: Издательство АСТ,
2016. — 416 с.

ISBN 978-5-17-100570-2

Долгожданная коллекция лучших фантастических рассказов 2017 года! Признанные мастера и яркие писатели нового поколения откроют вам новые удивительные миры и помогут по-другому взглянуть на привычную повседневность. Эти яркие, злободневные, увлекательные истории радуют разнообразием жанров: от городского фэнтези и киберпанка до хромооперы и альтернативной истории, от мистики до космооперы, от фантазмагии до постапокалипсиса! И конечно, лучшим подарком станет новый рассказ Сергея Лукьяненко! «Разжечь в людях страсть можно без всякой магии. Но для успеха требуется безумная любовь. Именно она приведет к появлению Абсолютного волшебника...» Любимая всеми сказка, версия... Завулона!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А.Т. Сеницын, составление, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Евгений Лукин

НА СЧЁТ ТРИ

Мне снилось: я проспал свой главный сон.

Великий Неуен

Она обожала пересказывать сны, и остановить её было трудно. Не знаю, что ей там грезилось на самом деле, но изложение звучало всегда настолько монотонно и безлико, что из него не запоминалось ни словечка. Кроме, разумеется, заключительного восклицания: «Ну вот к чему это?!»

Видимо, к повышению цен. Как и всякое сновидение.

На моё счастье, хозяйева рассадили нас так, что за праздничным столом я оказался на сей раз поодаль от неё — можно сказать, вне зоны поражения. А вот другому гостю, которого я видел впервые и с которым меня забыли познакомиться, повезло гораздо меньше — он был помещён аккурат напротив нашей сновидицы. Подозреваю, хозяйка поступила так умышленно, исходя из соображений справедливости: остальные наслушались с лихвой — теперь очередь новичка.

Провозгласили тост, выпили по первой.

— Ой, слушайте! Что мне сегодня приснилось...

Одни лица привычно приняли страдальческое выражение, другие — глумливое.

И поползло на нас опять нечто тягостное, бесконечное, сравнимое разве что с ежедневной логореей домохозяйки: «Иду я сегодня на рынок, а навстречу мне Марья Ивановна, а от неё на той неделе муж ушёл, и вот она мне говорит...» При этом ни Марью Ивановну, ни ушедшего от неё мужа вы, естественно, не знаете и не знали.

Наверное, она и во сны уходила, как на рынок.

Усаженный напротив неё гость внимательно выслушал первые фразы, кивнул.

— Да-да, — рассеянно обронил он. — Помню-помню... Я этот сон уже видел...

И визионерка онемела. Первый раз на моей памяти.

С невольной симпатией покосился я на незнакомца. Наш спаситель обладал примечательной и, пожалуй, несколько гротескной внешностью: язвительный до клювовидности изгиб рта, укориженно скорбные глаза. Судя по всему, озорник.

А когда уже стали расходиться восвояси, выяснилось, что мне с ним по дороге.

* * *

Последнее время я частенько просыпаюсь от ужаса и восторга, осенённый некой потрясающей идеей. Первые несколько секунд цепенею, заново осознавая случившееся, потом судорожно тянусь к стакану с холодным чаем — и обнаруживаю вдруг, что сновидение успело рассыпаться на фрагментики, обесмыслилось, стало откровенно нелепым, а главное: моё великое открытие, из-за которого я, собственно, и проснулся, — исчезло. Не могу его вспомнить.

Озадаченный, делаю глоток, другой, пытаюсь восстановить распавшуюся на звенья цепочку ночных событий — бесполезно. Невосстановимо.

Не исключено, что в момент пробуждения во мне срабатывает некий защитный механизм, разбивающий сон вдребезги. Непонятно, правда, с какой целью.

Ну и как бы я смог всё это вам изложить? Склеивши по осколочку? Используя воображение взамен эпоксидки?

— А в самом деле, — сказал я. — Почему не допустить, что некоторые сны транслируются? Какие-то они у неё, знаете... расхожие... малобюджетные. Сериал сериалом. Вы не находите?

Мы шли ночной улочкой. Фонари, припорошённые листвой, пустые тротуары. Изредка попадётся навстречу одинокий прохожий.

— Почему бы и нет? — не стал противиться мой попутчик. — Но в таком случае... Что вы думаете о режиссёрах? О сценаристах?

— О сценаристах её снов?

— Ну да...

— Бездари! — решительно сказал я. — Унылые бездари с улицы. Из подворотни.

— А ваши?

Я задумался на секунду.

— Н-ну... мои, конечно, уровнем повыше... Нет-нет, да и отчинят что-нибудь этакое... прелюбопытное...

— Например?

Я мысленно перебрал мою коллекцию сновидений.

— Вот... привиделся мне в детстве кошмар... Не бойтесь, пересказывать не стану! Так себе кошмаришко, ничего выдающегося... Интересно другое! На следующую ночь он повторился. Но уже в третьем лице.

— То есть?

— Первый раз всё происходило со мной. Лично со мной. А вот во второй раз я уже следил сам за собой со стороны. С нездоровым любопытством, учтите...

— Действительно, интересно... — вынужден был согласиться мой собеседник. — Ну а потом? Когда повзрослели...

— Тоже иногда случалось. Да вот не далее как позавчера. Проснулся среди ночи. Снова уснул. И приснилось, представьте, будто пересказываю кому-то предыдущее своё сновидение, причём умышленно вру...

— Хорошие у вас сценаристы... — с уважением оценил он. — А что за сновидение?

Я засмеялся.

— Не помню.

— А ещё что-нибудь?

— Да знаете, не хотелось бы уподобляться этой нашей...

— Так а вы и не уподобляетесь. Вы же не содержание перебираете, а так сказать, повороты сюжета... находки, изюминки...

Нас обдало со спины светом фар. По асфальту и по стене побежали косые долговязые тени. Обогнавшая иномарка устроила нам небольшую иллюминацию и, мотнувши сияющим, как Уолл-стрит, крупом, свернула в переулок.

— Ну вот, скажем... Принял однажды первую часть сновидения за явь...

— Это как?

— Н-ну... Сознавал, что сплю, а предыдущий сон считал явью. Обычно бывает наоборот: думаешь, что проснулся, а на самом деле спишь ещё...

— Да, бывает... — Спутник покивал, умолк. — Скажите, вы просто так собираете подобные случаи или пытаетесь всё же их упорядочить... объединить какой-то теорией?

Честно признаюсь, кое-что в нашей болтовне начинало помаленьку меня беспокоить. Он спрашивал — я отвечал. Беседа психотерапевта с пациентом. Однако тема подвернулась столь увлекательная, что я просто не мог удержаться.

— А чем мы, по-вашему, занимаемся в данный момент? Выстраиваем теорию. Анекдотическую, правда, но теорию. Разглагольствуем о трансляции снов, о режиссёрах, о сценаристах... И не исключено, кстати, что заглядываем в будущее.

— В смысле?

— Вот, допустим, отсняли фильм по какой-то вашей любимой книге... С каким чувством вы его смотрите впервые?

— М-м... Да по-разному вообще-то... А вы?

— С возмущением, — не колеблясь, ответил я.

— Почему?

— Потому что всё отснято неправильно... Совершенно не так, как я представлял! Догадываетесь, куда клоню? Пока читаешь книгу, невольно отснимешь по ней кино в своей голове...

— Сам себе режиссёр?

— Именно! — вскричал я. — Чтение — творчество! Труд! Вот и сон тоже... Поймите, как только человек пре-

крашает творить, он вырождается! Если мы в будущем, не дай бог, научимся и впрямь транслировать сны, сделаем из них что-то вроде телефильмов, мы лишим людей последней возможности самовыражения!..

— А почему мы остановились? — спросил он вдруг.

Действительно, краткую свою тираду я произносил стоя в двух шагах от нашей арки, заполненной полумраком грязноватых оттенков.

Опомнился, огляделся, виновато развёл руками.

— Да пришли уже... Вот мой дом.

— Жаль, — признался он — и похоже, что искренне.

Постояли, помялись, соорудили неуклюжее рукопожатие.

— А вы где живёте?

— Квартала три отсюда.

— Ну так давайте я вас провожу..

* * *

И побрели мы вновь по ночным пустынным тротуарам. Неподальёку пролегал проспект. На каждом перекрёстке нас оведало справа невнятным шумом и прохладным полусветом.

— А с другой стороны, всё логично, — удручённо промолвил я. — От фольклора — к литературе, от литературы — к кинематографу...

— Речь шла о снах, — напомнил он.

— Совершенно верно. Говорят, дикари не различают границы между сном и явью. Если кто-то избил тебя во сне, ты имеешь полное право отметить его наяву..

Не знаю, что я такого сказал, но спутник мой оделил меня долгим пристальным взглядом. Как будто заподозрил в чём-то.

— А к чему это вы?

И вопрос тоже. Как-то, знаете, настрожённо он прозвучал.

— Да видите ли... Всегда полагал, что изящная словесность началась именно с пересказа снов. Сидели первобыты у костра — ну и делились... видениями... А чем ещё можно объяснить такое обилие фантастики в древнем фольклоре? Врождённой склонностью к вранью? Сомневаюсь... Так что

вся художественная литература, на мой взгляд, не что иное, как сновидение в письменном виде...

Попутчик успокоился, усмехнулся.

— И всё же вы немножко отвлеклись, — мягко заметил он. — Почему, например, сны вашей знакомой мало чем отличаются от реальной жизни, а ваши, насколько я понял...

— Может, у неё просто совесть чиста? — пошутил я.

— Вы хотите сказать, что ваша совесть...

— Нет-нет! — торопливо заверил я. — На самом деле всё просто... Дело в том, что не к ночи будь помянутая реальная жизнь — не меньшая бессмыслица, чем сон. Спросить: «В чём смысл жизни?» — можно лишь осознав его отсутствие... Согласны?

— Так-так...

— А нормальный человек не может жить без видимости смысла! И вот люди начинают сообщая этот смысл сочинять. Придумывают себе обычаи, религию, мораль... Ну так если уж они ухитряются даже явь перекроить и упорядочить, то уж сон-то!..

— По краешку ходите, — то ли одобрил, то ли предостерёг он.

Комплимент (если это, конечно, был комплимент) я легкомысленно пропустил мимо ушей. А зря.

— Где-то я читал, будто сны вообще сочиняются нами наяву, — добавил я. — Проснёмся — и давай подсознательно выстраивать всю эту белиберду во что-то понятное, связанное...

— Вы согласны с таким утверждением?

— Да нет, пожалуй... Если я, пробудившись, придумал половину сновидения, то что мне мешает придумать и всё остальное? Заполнить пробелы, например...

— Пробелы?

— Ну да... Те части сна, которые я забыл при пробуждении...

— А другие версии есть? Я имею в виду — ваши собственные.

— Ну а как же! Вот, скажем... Что, если сновидение — авральное складирование впечатлений? Так сказать, попытка навести порядок на чердаке в течение одной ночи?

— Погодите, — приостановившись, попросил мой спутник. — Дайте подумать...

Подумал.

— Ага... — удовлетворённо молвил он наконец. — Ну, если так... Живите себе спокойно... Приятно было побеседовать!

И протянул мне руку.

— Пришли уже? — с сожалением догадался я.

Он рассмеялся.

— Хотите, провожу? — в свою очередь предложил он. — Любезность за любезность...

И я согласился, дурак набитый!

* * *

Причина заключалась вот ещё в чём: меня, признаться, слегка задевало спокойствие, с которым он воспринимал мои дерзкие, чтобы не сказать, еретические выкладки. Выслушивал внимательно, с уважением, однако, повторяю: так обычно ведёт себя психотерапевт в беседе с пациентом. Или, скажем, контрразведчик, интеллигентно провоцирующий вражеского агента.

Перспект тем временем переместился влево, откуда нас и оведало теперь на перекрёстках полушумом и полусветом.

— Возможно, наяву человек просто занимается не тем, чем надо, а сновидение пытается это исправить...

— Необычная мысль... — вежливо откликнулся он. — Причём уже которая по счёту! Вы, наверное, часто об этом думаете?

— Да частенько... — покаялся я со вздохом.

— А какую свою версию вы считаете наиболее необычной?

Что бы ему такое отлить в бронзе? Что сон — единственная наша возможность снова встретиться с ушедшими? Что пребывание в толпе — сон наяву? Что сон Менделеева рождает периодические таблицы?

— Почему бы не предположить, — по наитию начал я, — что явь и сон равноправны? Что это всего-навсего две смежные области бытия? Одна охватывает примерно треть нашей жизни, другая — две трети. Здесь мы заснули — там проснулись. И наоборот!

Внезапно он перестал улыбаться, и я почувствовал: попал! Наконец-то попал в точку. Впечатлил.

— Существует граница, — вдохновенно продолжал я. — Когда мы засыпаем или пробуждаемся, мы пересекаем её! И в момент пересечения то, что было с нами во сне (или наяву!), — рассыпается, становится абсурдным, обрывочным...

Он остановился, хотя до моего дома оставалось ещё полквартила. Остановился и я, замороженный собственной выдумкой. Граница... граница... А где граница — там пограничники, там таможенный шмон... Нет, вы посмотрите, как всё сразу выстраивается! Вот, скажем, просыпаюсь я от ужаса и восторга — привиделось, будто совершил великое открытие... А где оно? А нету! На границе конфисковали и уничтожили... Разбили вдребезги!

А сновидица наша, обратите внимание, запоминает свои грёзы преподобнейше... Почему? Да потому что нечего изымать! У неё же ни единой запрещённой к провозу мысли...

А что каждый раз изымают у меня? Уж не эту ли мою догадку?

Очнулся. Мы по-прежнему стояли лицом к лицу посреди гулкой пустой улицы. Чернели оконные проёмы. Граждане дрыхли без задних ног. Впрочем, пара-тройка окон ещё полыхала вовсю. Кое-кто, надо полагать, без задних ног бодрствовал.

— Стоим тут разговариваем... — пробормотал я, чувствуя, как губы сами слагаются в ошалелую улыбку, — а там, наверное, спим себе спокойно в своих постелях...

— Ишь ты!.. — хриловато выговорил он. — Допёр-таки...

Я вздрогнул, взглянул ему в глаза — и чуть не попятился. Немигающие были глаза, беспощадные.

— Ничего, это мы исправим... — пообещал страшный ночной попутчик, подаваясь навстречу. — Сейчас я досчитаю до трёх — и ты проснёшься... Раз!.. Два!..

Владимир Васильев «ИЖ-ПЛАНЕТА-СПОРТ»

Как Тигрис и ожидал, дом по адресу Вологодская, 88, оказался древней бревенчатой избенкой. А вокруг, на минуточку, высились вполне приличные даже для ближнего Подмосковья двух-трехэтажные кирпичные коттеджи.

— Привалило наследство, — проворчал Тигрис и мрачно поглядел на соседний дом под номером 90, тоже бревенчатый, маленький и неказистый. Только эти два дома в поле зрения казались ветхими пришельцами даже не из прошлого, а из позапрошлого века.

Но, с другой стороны, дареному коню в зубы не смотрят — потому Тигрис и рванул в Ижевск, едва только узнал о наследстве.

По какой неясной причине дед Степан, на самом деле родственник Тигрису очень дальний, отписал на него дом, осталось загадкой. Вроде тут, в Ижевске, у деда Степана семья какая-то имелась. Тигрис заранее приготовился к теркам с дальними родственниками и еще до того, как увидел злополучную избушку, внутренне приготовился уступать. Удастся хоть сколько-нибудь получить от родственничков наличкой — и отлично, а домом пусть сами владеют. В конце концов, Тигрис был не лишен элементарного чувства справедливости и вполне отдавал себе отчет, что каприз престарелого родственника — еще не повод лишать наследства его собственных детей и внуков. А с дедом Тигриса Степан и родней был весьма дальней — даже не троюродной, дальше. И дружбы особой не водил, скорее наоборот: Степан и дед Тигриса друг друга недолюбливали, хотя и уважали. Всю

жизнь они соблюдали между собой вооруженный нейтралитет, но, как рассказала Тигрису мать, никогда не опускались до каких-либо низостей или недружественных действий. Вероятно, не хотели начинать упомянутые действия первыми, так и просидев всю жизнь в бесплодной засаде. Тем не менее сожительница Степана, плохо известная Тигрису и его родне баба Нюра, отзвонилась в Королев и без особых эмоций сообщила, что дед по завещанию отписал младшему мужчине в роду, Тигрису то бишь, недвижимость в Ижевске. Тигрис, которому жизнь с матерью и двумя младшими сестрами в одной двушке-хрущобе давно надоела хуже горькой редьки, моментально собрал вещички и купил билет до Ижевска. И вот имеет счастье лицезреть «дом». Нет, дом не выглядел совсем уж безнадежной развалюхой, просто вдрызг устарел. Особенно если взглянуть на остальные коттеджи по улице Вологодской — в любую сторону.

Тигрис вздохнул, вынул из кармана врученную бабой Нюрой связку ключей и пошел отпирать ржавый амбарный замок на калитке.

Осмотр гипотетических владений много времени не занял, тем более что кто-то из родственничков вовремя озаботился и вывез почти всю мебель, кроме той, которая была ровесницей самому дому. Как Тигрис и опасался, ничего похожего на удобства в доме не оказалось — только дощатый сортир на задах. Водопровода тоже не было, и в холода пришлось бы использовать допотопную печь. Горожанин в третьем поколении Тигрис понятия не имел, как это делается. Да и перспектива бегать в сортир через весь двор, мягко говоря, не грела. Осматривать сараи Тигрис отправился в довольно-таки унылом настроении.

В сараях помимо хлама нашлась только одна достойная внимания вещь — мотоцикл «Иж-Планета-Спорт». При ближайшем рассмотрении оказалось, что этот реликт советского машиностроения прекрасно сохранился: ни малейших следов ржавчины под пылью, да и пробег, если цифры на спидометре соответствовали истине, лишь немного превышал двести километров. Не похоже, чтобы он все годы с мо-

мента выпуска провел в сарае — кто-то однозначно хранил его в теплом гараже и не ленился следить-смазывать, но почему-то не ездил. Резина выглядела почти новой, так что, вполне возможно, спидометр и не врал.

Минутой позже Тигрис сообразил, отчего связка ключей была такой увесистой, хотя висячих замков ему пришлось отпереть всего три: на калитке, на доме и на сарае. А ключей в кармане брякало куда больше — целых девять. И три из них совершенно точно были от мотоцикла: на черных пластиковых головках красовался узнаваемый буквенный логотип «ИЖ».

— Иж ты! — пробормотал Тигрис, нарочито выделяя букву «ж», хотя это и было неправильно.

Осмотр Тигрис вскоре завершил, все запер и отправился в загадя снятый гостиничный номер. По дороге очень кстати позвонила баба Нюра, с которой удалось достаточно внятно переговорить. Из разговора Тигрис вынес главное: родственнички дома на Вологодской, 88, побаивались. И теперь не скрывали радости, что все это счастье досталось не им. Конечно, это было странно, но наверняка имело какое-нибудь рациональное (или не очень рациональное) объяснение. Допустим, престарелая баба Нюра могла опасаться неких мифических слазов или привидений. Но народ помоложе? М-да...

«Надо будет заказать риелторам проверочку, — подумал Тигрис озабоченно. — Может, там с собственностью что-то неладно, вот родственнички связываться и не хотят».

Но такая проверочка будет стоить денег, которых у Тигриса было негусто. Как решить эту досадную проблему, Тигрис придумал довольно быстро.

В сети он как-то вычитал, что старые советские мотоциклы в хорошей сохранности стоят немалых денег. Во всяком случае, решил он, на риелторскую проверочку должно хватить. А гонять на сем пытящем чуде по загазованным российским дорогам Тигрис уж точно не собирался.

В номере он развернул ноутбук и начал поиски местных купи-продай форумов. Первый сайт, куда Тигрис заглянул, был форум izhevsk.ru. Лениво покликвав по ссылкам и так и не най-